

Тем временем слуги унесли Е Ци. Это зрелище несказанно порадовало Шуанчэна. Он довольно прищурился и лукаво усмехнулся, обнажив острый клычок.

Но стоило ему мысленно возликовать, как он краем глаза заметил устремленный на него взгляд Е Чжэня. Тот смотрел с едва заметной, многозначительной усмешкой. Шуанчэн шумно сглотнул. Весь его задор мигом испарился; он отвел взор и неловко отвернулся, делая вид, будто его чрезвычайно заинтересовало что-то в стороне.

— Время еще раннее, так что я, пожалуй, заберу Шуанчэна и отправлюсь в столицу прямо сейчас, — раздался спокойный голос Е Чжэня. Эти слова предназначались не брату, а хозяину дома. — Берегите себя, дядюшка.

Е Бин приоткрыл было рот, собираясь возразить, и бросил быстрый взгляд на притихшего племянника, но в конце концов передумать не стал.

— Что ж, раз так... Счастливого пути, дорогой племянник, — только и сказал он.

Слуги как раз помогли Шуанчэну подняться на ноги. Услышав, что уезжать придется сию же минуту, он невольно засуетился:

— Брат, братец, постой! Я ведь даже вещи не собрал!

Е Чжэнь одарил его бесстрастным взглядом.

— Ничего не нужно. В столице есть все необходимое.

Шуанчэн лишь прикусил губу и покорно опустил голову, не смея больше спорить.

Повинуясь воле старшего брата, он действительно уехал налегке — взял лишь пару сменных одеяний в дорогу да своего верного слугу Цю Мина.

Тот, строго говоря, никогда не принадлежал к челяди дядюшки — в свое время Шуанчэн еще ребенком подобрал его на улице.

Тогда едва исполнился год, как Е Чжэнь уехал в столицу. Шуанчэн изнывал в Биньчжоу от тоски и то и дело сбегал из поместья поразвлечься. Родственники сквозь пальцы смотрели на его проделки: в усадьбе его почитали за богатого наследника, а потому перечить не смели.

Вот в одну из таких прогулок юный господин и наткнулся на попавшего в беду Цю Мина. Мальчишка был одет в сущие лохмотья, но из-под грязи виднелось на удивление миловидное личико. Его, словно тюк, тащили куда-то дюжие оборванцы. Ребенок отчаянно брыкался, заливался слезами и умолял прохожих о помощи.

Шуанчэн с малых лет обожал совать нос в чужие дела, да и несправедливости терпеть не мог. Недолго думая, он выкупил замухрышку за увесистый серебряный слиток. С тех пор Цю Мин стал его тенью. Преданный всей душой, он повсюду следовал за своим спасителем и лишь изредка позволял себе беззлобно поворчать.

Едва зайдя в тупик перед неизбежным отъездом, Шуанчэн тут же вспомнил про верного слугу. Получив милостивое позволение брата, он велел юноше собираться. Дядюшка и его домашние возражать не посмели — в конце концов, мальчишка был куплен на личные деньги молодого господина.

Путь до столицы лежал неблизкий. Братья ехали в одном экипаже. Внутри было просторно и богато убрано, однако Шуанчэна не покидало гнетущее стеснение. Он то и дело нервно теребил подол халата.

Воровато покосившись на Е Чжэня и убедившись, что тот сидит с закрытыми глазами, погруженный в свои мысли, юноша облегченно перевел дух. Он уже потянулся было к окну, чтобы откинуть тяжелую занавесь, как вдруг тишину нарушил прохладный, ровный голос:

— Шуанчэн.

Вздрагнув, Шуанчэн испуганно отдернул руку и обернулся. Брат уже открыл глаза и теперь пристально, не мигая, разглядывал его.

Под этим тяжелым взглядом Шуанчэну стало совсем не по себе. Отчаянно пытаясь разрядить обстановку, он заискивающе улыбнулся:

— Братец, ты уже проснулся? Извини, неужто дорога слишком неровная? Давай я велю кучеру ехать помедленнее.

Он уже приподнялся, намереваясь высунуться наружу, но Е Чжэнь остановил его легким жестом:

— Не нужно. В столице меня ждут неотложные дела, так что лучше не медлить.

Шуанчэн разочарованно поджал губы. Ему до смерти хотелось спросить: «Раз ты так занят, зачем вообще поехал за мной в такую даль?» Однако он вовремя прикусил язык. Да и, признаться честно, глубоко в душе ему было безумно приятно, что брат приехал за ним лично.

Но затем в памяти невольно всплыли ядовитые насмешки Е Ци. За долгие годы в Биньчжоу Шуанчэн не продвинулся в науках ни на вершок, зато в искусстве безделья преуспел на славу. Мало того, он сам был той самой «черной сажой», от которой, согласно поговорке, неминуемо

чернеет каждый, кто окажется рядом. Все благородные господа, с кем он водил дружбу, со временем превращались в отпетых лоботрясов. Даже верного Цю Мина он ухитрился испортить, превратив в несносного балагура.

При этих мыслях на душе у него заскребли кошки. Понимая, что в столице лафа закончится, Шуанчэн решил прощупать почву, пока они еще в пути. Если окажется, что Е Чжэнь намерен строго спросить за все былые прегрешения, лучше узнать об этом сейчас — посреди дороги куда проще дать стрекача.

Подобрав наиболее жалостливый тон, он робко начал:

— Братец... Мы ведь не виделись столько лет. Я так сильно по тебе скучал.

Е Чжэнь лениво приоткрыл один глаз и смерил его взглядом.

Поощренный этим молчанием, Шуанчэн придвинулся ближе и несмело потянул брата за рукав.

— Братец, мне в Биньчжоу тоже несладко приходилось! Ты только не верь всему, что наговаривает дядя, он вечно меня чернит. На самом-то деле я... я свято чтил твои мудрые наставления и никогда в жизни не затевал драк!

Е Чжэнь удивленно изогнул бровь. Вообще-то он собирался отложить серьезный разговор до приезда в столицу, но юнец, не выдержав напряжения, сам поспешил раскрыть карты.

Слегка поджав тонкие губы, Е Чжэнь смерил его задумчивым взглядом и тихо спросил:

— Шуанчэн, скажи, тебе знаком фразеологизм «на воре и шапка горит»?

Юноша осекся и уныло протянул:

— Братец...

Е Чжэнь снисходительно усмехнулся и слегка щелкнул его по лбу.

— Не пристало мне читать тебе нотации в дороге. Все твои художества мы подробно обсудим по прибытии. А пока у тебя есть пара дней, чтобы хорошенько обо всем подумать. Надеюсь, к нашему разговору ты подготовишь чистую правду, а не очередную порцию глупых сказок.

Поняв, что спорить бесполезно, Шуанчэн понуро кивнул. В этот момент порыв ветра слегка приподнял плотную занавеску на окне. Юноша невольно загляделся на проплывающий мимо пейзаж: вдоль извилистой проселочной дороги буйным цветом цвели дикие травы, залитые

ласковым солнцем.

В голове мгновенно созрел безумный план.

«Брат явно не спустит мне все с рук. Что, если сбежать прямо сейчас и затаиться где-нибудь на пару дней? Когда он с ног сбьется в поисках, то от радости наверняка позабудет о моих прежних проделках!»

От этой мысли кровь хлынула ему в голову. Действуя под влиянием секундного порыва, Шуанчэн с поразительной прытью взлетел на сиденье, рванул на себя занавесь и уже приготовился сигануть прямо на ходу из кареты, как вдруг чья-то железная хватка мертвой петлей затянулась на его воротнике.

По спине побежали ледяные мурашки. Пытаясь высвободиться, Шуанчэн задергался еще отчаяннее, но тут же над самым ухом раздался леденящий душу голос брата:

— Прыгай. Но учти: если сделаешь еще хоть движение, я действительно тебя отпущу.

«Да отпуская же, чего ждешь!» — мысленно взмолился Шуанчэн.

Однако вместо этого его с силой дернули назад. Не удержав равновесия, он полетел спиной вперед и с размаху рухнул прямо в объятия Е Чжэня.

— Братец, я ничего такого не думал! Просто хотел... свежим воздухом подышать! — Шуанчэн испуганно замахал руками, не зная, куда их деть, и в конце концов обхватил собственную голову. Он испуганно метался взглядом; во всем его облике сквозило такое чистое, незамутненное смятение, что он сделался похож на затравленного кролика.

Но Е Чжэнь не поддался на эту напускную жалость. Напротив, безрассудный поступок брата не на шутку его разгневал. Впрочем, вспомнив, что они все еще в пути, а после долгой разлуки прошло слишком мало времени, Е Чжэнь подавил раздражение.

— Сиди смирно, — ледяным тоном процедил он. — Если выкинешь еще хоть один подобный фокус, в столице с тебя спросится вдвойне.

Шуанчэн торопливо выкарабкался из его объятий и, обиженно надув губы, едва слышно забормотал:

— Ну правда ведь... просто душно стало...

Закончить оправдание он не успел — Е Чжэнь метнул на него столь свирепый взгляд, что беглец моментально прикусил язык и торопливо забился в самый дальний угол кареты,

стараясь не шевелиться.

Спустя несколько томительных часов экипаж наконец затормозил у придорожного постоялого двора. От долгой тряски у Шуанчэна ломило все кости. Едва колеса замерли, он пулей вылетел наружу, словно выпущенный из клетки зверек. Провожавший его взглядом Е Чжэнь лишь недовольно нахмурился, но сдержался и лишь тихо крикнул вслед:

— Под ноги смотри!

Но разве мог восторженный юноша внять голосу разума? Увы, за излишнюю поспешность пришлось поплатиться: прямо на высоком пороге трактира он споткнулся.

Шуанчэн с размаху растянулся на грязном дощатом полу. Ладони и колени тут же обожгло острой болью — похоже, он сильно ободрал кожу.

Е Чжэнь в один миг оказался рядом. Подхватив брата под мышки, он бережно поднял его и, заметив сочащуюся из разбитых ладоней кровь, сокрушенно покачал головой:

— Я ведь просил тебя не лететь сломя голову! Вечно ты не слушаешь, пока лоб себе не расшибешь.

Шуанчэну и без того было больно до слез, а суровый выговор брата окончательно испортил настроение. Обиженно насупившись, он резко вырвал руки:

— И без тебя тошно! Не трогай меня!

Выпалив это, он сердито развернулся и, прихрамывая, скрылся в глубине трактира.

Е Чжэнь лишь нахмурился, но промолчал и поспешил за ним.

<http://bllate.org/book/18190/1746641>